
Марк Бельтрами
РАЗВОД
Твоя любовница пришла
на мой юбилей

Марк Бельтрами

Развод. Твоя любовница пришла на мой юбилей

https://litres.ru/75047367
SelfPub; 2026

Аннотация

«С юбилеем, Станислава Андреевна. Стефан сказал, сегодня вы всё узнаете сами. Я Эвита».

Посреди тоста мужа эта женщина поднимает букет белых роз. Стася, нотариус, двадцать семь лет держала лицо. Сегодня торт полетел в мужа, а горка из ста двадцати бокалов рухнула на пол.

Наутро муж приносит «щедрое» соглашение: квартира ей, автомойки ему, «со всеми обременениями». Стася заказывает выписку и видит ипотеку, о которой не знала. Год назад она сама выдала ему генеральную доверенность, и по ней он заложил её квартиру. Это больнее любой измены.

Теперь ей нужно отозвать доверенность и выстоять против его жалобы в нотариальную палату.

Хозяин ресторана Нестор Ладыгин приносит счёт за разгромленный зал. Он грубоват, но первым говорит правду о четверговых ужинах её мужа с любовницей.

Сможет ли женщина, которая всю жизнь проверяла чужие подписи, вернуть свой дом и поверить хоть кому-то?

При подготовке книги использовалась нейросеть.

Содержание

Глава 1. Стефан сказал, сегодня вы всё узнаете сами 5
Глава 2. Квартира тебе со всеми обременениями 16
Глава 3. Я отменяю всё, что тебе подписала 26
Глава 4. Седьмой стол по четвергам 38
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Марк Бельтрами
Развод. Твоя любовница пришла на мой юбилей

Глава 1. Стефан сказал, сегодня вы всё узнаете сами

– С юбилеем, Станислава Андреевна. Стефан сказал, сегодня вы всё узнаете сами. Я Эвита.

Она стоит в дверях банкетного зала с огромным букетом белых роз и держит его так, будто это пропуск, который у неё сейчас проверят. Это мой юбилей, мне исполнилось пятьдесят, мы сидим на втором этаже «Куреня» над Доном, за столами сорок шесть гостей, а мой муж только что поднял бокал и начал тост, в котором собирался назвать меня своей опорой. Бокал так и остаётся в воздухе. Я вижу, как у Стефана дёргается щека, и понимаю, что эту женщину я не знаю, а он знает её слишком хорошо.

За час до этого я ещё стояла в прихожей «Атаманского» перед зеркалом, и Стефан поправлял мне брошь. Мамина «рябиновая ветка», серебро и гранаты, она всегда съезжала на левый бок, потому что булавка разболталась ещё лет де-

сять назад, а мастера я так и не нашла. Он наклонился, пахнущий дорогим одеколоном и морским загаром, подцепил её двумя пальцами и сказал в самое ухо:

– Стась, ты сегодня красивая. Правда. Не напрягайся, всё будет хорошо, вот увидишь.

Я тогда ещё удивилась, что у него такой странный голос, сиплый, как после долгой пробежки, и списала это на волнение. Ариана принесла свой подарок, завёрнутый в крафт, и я уже успела развернуть его: набросок углём в тонкой деревянной раме, подпись внизу «Мама. 50», и у меня на этом месте всё-таки защипало в носу, хотя я обещала себе не плакать до торта. Виталия, моя Вита, подмигнула мне поверх бокала и покрутила в пальцах леденец, потому что курить она бросила шесть лет назад, а привычку занять рот так и не победила. Всё было очень хорошо, и именно это теперь кажется мне самым подозрительным.

Гости собирались по лестнице неторопливо, и я встречала каждого у дверей, как встречаю клиентов у себя в конторе: рукопожатие, пара слов, чтобы человек почувствовал себя нужным. Вилора Марковна пришла в лучшей кофте, с брошью-совой, и сразу сунула мне в ладонь маленький свёрток с вышитым платочком, смущаясь, будто это взятка. Згурский долго жал мне руку, говорил что-то о моей безупречной репутации, и я ещё подумала, что надо будет потом вежливо спросить его про комиссию по этике, где у меня давно лежит одно заявление. Стефан в это время ходил между сто-

лами с бокалом, обнимал мужчин за плечи, смеялся громко, чуть громче обычного, и я списывала это на то, что он любит праздники, а не на то, что ему страшно.

***

В зале так тихо, что слышно, как на кухне что-то шипит на сковороде. Корнилий Аркадьевич Згурский, член правления нотариальной палаты, поправляет бабочку и очень внимательно разглядывает скатерть, словно никогда не видел такой интересной ткани. Вилора Марковна шепчет рядом с моей пустой тарелкой: «Батюшки, батюшки», и даже не пытается делать вид, что не слушает.

– Стась, – говорит Стефан тихо, но слышат все, потому что тише в этом зале просто не бывает. Он смотрит поверх моей головы, на фотографию деда хозяина в папахе, и ни разу не встречается со мной глазами. – Давай без сцен, тут люди.

– Тут люди, – соглашаюсь я и сама удивляюсь тому, какой у меня ровный голос, голос, которым я двадцать два года читаю клиентам вслух договоры. – О-о, Стефан, тут очень много людей. Ты ведь сам всех позвал, правда? И коллег моих, и клиентов, и даже Згурского, которого я бы без тебя не рискнула пригласить.

Кто-то у дальнего стола нервно смеётся и тут же замолкает. Виталия ставит бокал на скатерть медленно, как ставят оружие, а Ариана, сидящая в конце нашего стола с планшетом на коленях, поднимает голову и вытаращивает на меня

глаза. Я поворачиваюсь к девушке с букетом. Ей лет тридцать, высокая, тёмные прямые волосы до лопаток, ногти цвета молока, и она крутит на пальце тонкое кольцо, которое ей, кажется, велико.

– Хм… Сколько? – спрашиваю я. – Сколько это длится, Эвита? Вы же понимаете, о чём я.

– Год, – отвечает она и краснеет так, что видно даже в свете люстры. – Он сказал, вы знаете. Он сказал, что вы давно всё знаете и просто… терпите ради приличий. Что вы сами будете рады, если я приду и мы все наконец перестанем делать вид.

Я смотрю на мужа. Он наконец поворачивает ко мне лицо, и я читаю на нём то, что тридцать лет учусь читать на чужих лицах за своим столом: она сказала правду только наполовину. Он ей действительно так говорил. Но он очень рассчитывал, что я промолчу. Что я, Станислава Андреевна Туманова, нотариус, при сорока шести гостях и члене правления палаты улыбнусь, поблагодарю за цветы и разведусь с ним тихо, быстро и по-взрослому.

– Ох, Эвита, – говорю я мягко, потому что на неё, честное слово, не за что злиться. – Он вам очень много чего сказал. Поставьте цветы, милая, вам, наверное, тяжело.

Стефан наконец отмирает, ставит бокал и делает шаг ко мне, протягивая руку, чтобы взять меня за локоть, как берут за локоть пьяную женщину на банкете. Я отдёргиваю руку раньше, чем он успевает коснуться рукава. В этот момент

от нашего стола поднимается Виталия, не спеша, с леденцом за щекой, и встаёт между нами так, что её короткий ёжик приходится ему примерно на уровень подбородка.

– Стефан Олегович, – говорит она своим прокуренным низким голосом, не повышая тона. – Я бы на вашем месте сейчас очень аккуратно убрала руку. Здесь сорок шесть свидетелей, и половина из них мои клиенты.

– Вита, ты-то что лезешь, это семейное, – бросает он, и смех у него выходит какой-то кривой, неуместный, как у человека, который по привычке шутит на похоронах. – Мы сами разберёмся, как взрослые люди. Правда, Стась? Ну хватит. Ну давай мы сейчас все выдохнем и сядем.

– Сядем, – соглашаюсь я. – Только вы, Эвита, садитесь, пожалуйста, на моё место. А я постою.

Это были последние слова, которые я сказала спокойно.

***

Торт стоит на отдельной тележке справа от меня: три яруса «Наполеона», с золотой цифрой «50» наверху, по рецепту матери хозяина, и его весь вечер несли, гладили взглядом и фотографировали. Я не помню, как поднимаюсь. Помню только, что рукав платья задевает крем, и что верхний ярус, оказывается, тяжелее, чем выглядит, и что Стефан успевает сказать «Стась, не надо», в тот момент, когда я уже разворачиваюсь.

Торт попадает ему точно в грудь, в чистую голубую рубашку, купленную мной в апреле. Слои теста съезжают на

перстень на мизинце, цифра «50» падает на пол и катится под стул. Кто-то коротко вскрикивает, Вилора Марковна хватается за свою брошь-сову, а у меня в голове почему-то только одна мысль: а ведь он так и не договорил про опору.

Я иду к выходу мимо горки из бокалов. Её собирали с утра: сто двадцать штук, шесть ярусов, на белой скатерти до пола, и я два часа назад сама сказала официанту, что это красиво. Я беру скатерть двумя руками за край, и она слушается так легко, словно ждала этого весь вечер. Звон стоит такой, что хочется закрыть уши, потом что-то хрустит под ногами, потом кричат женщины, и среди всего этого я вижу поднятые телефоны, три, пять, десять, красные точки записи.

– Стася, ты с ума сошла! – орёт Стефан, и из его голоса пропадает вся воспитанность. – Ты что творишь, при людях!

– Это ты при людях, – отвечаю я, и голос у меня всё-таки срывается. – Это ты при людях, Стефан, а я просто убираю со стола!

На пальце жжётся кольцо. Двадцать семь лет я его не снимала, даже когда пальцы отекали от жары, и сейчас оно сходит почему-то легко. Рядом на столике стоит единственный уцелевший бокал, и я бросаю кольцо туда: оно звенит о стекло и затихает на дне. Только когда я уже в дверях, до меня доходит, что что-то холодное больше не висит у меня на левом плече, и рука сама тянется к платью. Броши нет.

***

Хозяин ресторана стоит в дверях, высокий, сутулый, с се-

дыми усами и белым полотенцем через плечо. Мы виделись один раз, в марте, когда я бронировала зал, и тогда он показался мне сухим человеком, который считает каждую свечу. Сейчас он протягивает мне салфетку, влажную и тёплую, и я даже не сразу понимаю, что руки у меня в креме по локоть.

– Станислава Андреевна, торт был лучший у нас за весь год, и вы распорядились им по-своему, это ваше право, но через кухню вы выйдете без чужих телефонов перед лицом, если пожелаете, – говорит он спокойно, без тени улыбки, как говорят о погоде.

– Хм, я понимаю, что это нелепый вопрос, – слышу я собственный голос, – но у вас есть где-нибудь выход, где меня не будет видно с набережной?

– Есть. Идёмте.

Он ведёт меня по узкому коридору, где пахнет горячим маслом, ванилью и жареным луком, и от этого запаха мне вдруг становится так легко, что я чуть не смеюсь. Худой парень в бандане, с татуировкой-колосом на запястье, выставляет руку над сковородой и молча отодвигает собой двух официантов, которые тянут шеи. Это шеф-повар, понимаю я, сын хозяина, чей торт я только что отправила в мужа.

– Ипат, подай Станиславе Андреевне воды, – говорит хозяин через плечо, даже не повышая голос. – И скажи залу, что в «Атаманском» сегодня подаётся горячее без перерыва. Пусть люди едят, пока тёплое, а то будет обидно.

– Вы мне торт испортили, – сухо замечает парень, но вода

у него в руке уже стоит, а в глазах нет ничего, кроме усталого сочувствия. – Хотя рецепт всё равно выдержал. Он у нас крепкий.

Хозяин идёт чуть впереди, не оглядываясь, и расчищает мне дорогу так, что ни один официант не успевает заглянуть мне в лицо. На повороте у холодильной камеры он вдруг останавливается и поворачивается, и я упираюсь взглядом в шрам у него на брови, белый и неровный, как нитка.

– Станислава Андреевна, вам сейчас не надо ничего решать, – говорит он ровно, словно читает инструкцию к плите. – Ни про мужа, ни про зал, ни про видео. Вы доедете домой, умоётесь, поспите, а завтра будете думать. Это вся моя медицина, другой у меня нет. Если понадобится что-то ещё, мой администратор знает, как меня найти.

– Это очень длинная речь для человека, который видит меня второй раз в жизни, – замечаю я, и сама удивляюсь, что способна шутить.

– Я вообще человек длинный, – отвечает он. – Просто обычно у меня нет слушателей.

Я пью воду мелкими глотками, и мне странно, что в этом чужом коридоре мне спокойнее, чем в собственном юбилейном зале. Хозяин молча открывает чёрный ход, придерживает дверь плечом, и я вижу двор, мусорные баки, жёлтый свет фонаря и такси, которое кто-то уже успел вызвать.

***

Ариана догоняет меня у машины. Она бежит по гравию на

каблуках, придерживая планшет под мышкой, рыжие кудри растрепались, и лицо у неё такое, что я готова обнять её прямо в креме. Но она сначала останавливается шагах в трёх и только потом открывает дверцу.

– Мам, ну зачем так, при всех? – выдыхает она и садится рядом, не глядя на меня. – Блин, ну можно же было выйти, поговорить, а ты… Там же Згурский был, там клиенты твои. Ты понимаешь, что все это снимали?

– Я понимаю, Ариша, – отвечаю я как можно мягче, хотя в висках стучит. – Я очень хорошо понимаю, что снимали. А ты понимаешь, что он эту женщину сам пригласил, к моему дню рождения, с цветами?

– Ну да, это ужас, я не спорю, – она кусает губу и смотрит в окно на огни набережной. – Но пап тоже не… Он же не хотел тебя унизить, мам. Он просто идиот. А ты теперь будешь на всех видео как та, которая кидается тортами.

Мы едем молча. Я думаю, что не смогу объяснить ей разницу между «унизить» и «рассчитать, что я стерплю», потому что у неё пока нет профессии, в которой эту разницу видно. До Пушкинской она держится, провожает меня до шестого этажа, помогает расстегнуть платье, даёт мне жёлтую футболку мужа, нечаянно оказавшуюся на вешалке, и ставит чайник. Потом проверяет телефон, морщится, и я понимаю, что ей пишут.

– Мам, я поеду к себе, – говорит она в полночь, уже в куртке, и целует меня в макушку, быстро, как маленькая. –

Мне нужно подумать. Ты не обижайся, ладно? Просто тут всё очень… Блин. Просто не обижайся.

– Не обижаюсь, – отвечаю я, и это почти правда. – Напиши, когда доедешь.

Я стою в прихожей и пытаюсь вспомнить, когда мы в последний раз разговаривали с ней вдвоём не о деньгах на аренду и не о заказчиках. Выходит, что в феврале, на кухне, когда она сидела на подоконнике и ела мои вчерашние сырники, а я рассказывала ей про клиентку, которая пришла заверять завещание на попугая. Тогда она смеялась так, что падала с подоконника. Теперь она уходит с лицом человека, который выбирает, на чью сторону встать, и ещё не решил.

Дверь закрывается мягко, как всегда закрывает её Ариана, и в квартире остаются только тиканье часов на кухне и запах чужих роз, которые кто-то из официантов сунул мне в такси и которые я зачем-то поставила в вазу, когда вернулась. Они всё равно пахнут её духами.

***

Я стою над раковиной и отмываю крем с рукава платья. Холодной водой, потом мылом, потом снова холодной, потому что мама учила так: сначала холодной, а то жир растечётся. Крем не отстаёт, он въелся в шёлк так, будто решил остаться на память, и я вдруг начинаю смеяться, тихо, а потом всё громче. Я смеюсь над тем, как Згурский изучал скатерть, над «Наполеоном» на голубой рубашке, над цифрой «50», укатившейся под стул, над тем, что кольцо звякнуло о

бокал так деловито, словно его там всегда ждали.

Смех кончается неожиданно. Я стою с мокрым рукавом, в чужой футболке, и плачу так, как не плакала с маминых похорон, коротко и некрасиво, с носом и икотой. Потом я умываюсь, вытираю лицо полотенцем и обнаруживаю, что руки уже не дрожат. Я не знаю, что чувствую: стыд, облегчение или обычную усталость нотариуса, который закончил длинный приём и ещё не посмотрел в журнал.

Потом я иду в ванную и снимаю с себя остатки вечера: серьги, часы, цепочку очков, которую днём выбирала к платью. Серьги ложатся в блюдце, часы на полку, и я долго смотрю на левую сторону платья, на том месте, где утром сидела мамина брошь. Остался маленький след от булавки, два прокола в шёлке. Я провожу по нему пальцем и думаю, что надо будет завтра позвонить в «Курень», потому что вещь могла упасть только там, а потом сама себя перебиваю: завтра нужно будет думать не о броши.

Только я ложусь на край кровати с той стороны, где обычно спит Стефан, и закрываю глаза, как телефон на тумбочке вздрагивает. Двадцать три сорок семь. Я надеваю очки на цепочке, беру его двумя пальцами, будто он горячий, и читаю: «Завтра в десять приеду. Поговорим как взрослые люди. Я всё подготовил, тебе понравится: квартира остаётся тебе».

Глава 2. Квартира тебе со всеми обременениями

В девять утра я ставлю на кухонный стол две чашки, потому что рука делает это без меня, как делала двадцать семь лет подряд. Одну чашку, голубую, с отбитой ручкой, Стефан всегда брал себе. Я стою над ними с чайником, потом убираю его чашку обратно в шкаф и закрываю дверцу чуть громче, чем нужно. Кофе я так и не сварила: ночь прошла в полудрёме, в просмотре потолка, и теперь во рту стоит вкус вчерашнего крема.

Телефон лежит экраном вниз. Ариана написала в три ночи, что доехала и что любит меня, и это единственное, что в моём утре хорошо. Остальное сводится к одному слову из его сообщения: «взрослые». Я двадцать два года наблюдаю, как люди, которые собираются поступить по-свински, предлагают говорить «как взрослые», и каждый раз у меня внутри поднимается сухое профессиональное любопытство. Значит, он что-то принесёт, и это «что-то» надо будет прочитать.

В десять ноль две звонок в дверь, долгий, уверенный, и я не спеша иду открывать, придерживая очки на цепочке. Стефан стоит на площадке в чистой рубашке, выбритый, пахнущий свежим лосьоном, и держит под мышкой синюю картонную папку. Он бодрый. Вот что меня задевает больше всего:

бодрый, как после хорошего отпуска, а не как человек, которому вчера на грудь прилетел торт.

– Стась, привет, – говорит он и проходит мимо меня на кухню, как проходил всегда, ногой подвинув коврик. – Ты кофе не варила? Давай я сам, я привёз зерно, Эви покупала, но, по-моему, нормальное.

– Не надо ничего варить, – отвечаю я и сажусь напротив, так, чтобы между нами был стол. – Давай папку.

Он кладёт её передо мной двумя ладонями, как кладут на алтарь, и улыбается широко, с той тёплой, щедрой улыбкой, на которую я когда-то купилась в девяносто шестом, на дне рождения чужого однокурсника. Перстень на мизинце блестит. На голубой рубашке, которую я вчера видела в креме, нет ни пятнышка, и я невольно думаю, кто её стирал, хотя это не должно меня интересовать.

– Смотри, я всё продумал, – говорит он, пока я надеваю очки. – Мы с тобой столько лет вместе, я не зверь. Квартира остаётся тебе, целиком, до последнего квадратного метра. Контора тоже тебе. Мои мойки и мои девяносто процентов «Лагуны» остаются мне, потому что это моя жизнь, ты же понимаешь. Твои десять процентов я тоже забираю, они всё равно для солидности. Всё честно, а?

Я читаю. Я читаю его проект медленно, абзац за абзацем, как читаю чужие, и он, похоже, нервничает от моей медлительности, потому что то барабанит пальцами по столу, то встаёт взять из шкафа свою голубую чашку и вспоминает,

что я убрала её. Он садится обратно. Текст написан гладко, слишком гладко для человека, который сам не отличает договор от расписки, и я чувствую, как рука привычно тянется за ручкой отца, чтобы подчеркнуть. Ручка лежит в сумке, в прихожей, и я впервые за утро ловлю себя на том, что ищу её по карману халата.

На третьей странице я спотыкаюсь. «Квартира, расположенная по адресу: город Ростов-на-Дону, улица Пушкинская, передаётся Тумановой Станиславе Андреевне со всеми имеющимися обременениями».

– Хм, – говорю я и не поднимаю головы, только веду пальцем по строке, чтобы не потерять место. – Стефан, а какими?

– Какими чем?

– Обременениями. Какие обременения на моей квартире?

Он смеётся, громко, не к месту, как всегда, когда не хочет отвечать. Рукой машет так, будто разгоняет дым над сковородой.

– Стась, ну хватит, это формулировка юриста. Они всегда так пишут, на всякий случай, чтобы потом никто не придрался. Ты же сама тысячу раз такое читала. Ты что, мне не доверяешь? Я тебе квартиру отдаю, а ты мне лицо следователя делаешь!

– Я читала такое тысячу раз, – соглашаюсь я, и голос становится ровным и холодным, как чайник, оставленный на ночь. – И каждый раз, когда это написано, за словами стоит что-то конкретное: рента, арест, ипотека, право пользования

третьего лица. Какое из них здесь, Стефан?

– Да нет там ничего! – Он уже вскакивает, и стул скребёт по плитке. – Ты просто ищешь повод всё затянуть. Я пришёл по-человечески, с открытой душой, можно сказать, а ты вцепилась в одно слово. Подписывай, и мы оба выдохнем.

Вот тут я неожиданно успокаиваюсь. Есть люди, которые от крика теряются, а меня он включает, как лампу. Я закрываю папку, кладу на неё ладонь и говорю ему «вы» так, как говорила бы клиенту, который пытается скрыть залог:

– Уважаемый Стефан Олегович, подписывать я ничего не буду, пока не увижу каждую строку. Папка останется у меня, а вы, пожалуйста, возьмите сумку из спальни и уходите. Там ваши рубашки, две пары носков и бритва.

– Стась, это же глупо…

– Это не глупо. Это называется «ознакомление с документом», и в моей конторе так делают с каждым.

– Ну-ну, – выдыхаю я уже себе, когда он, красный, уходит в спальню. – Ох, Стефан, Стефан.

Он собирает сумку с таким лицом, будто его выселяют из гостиницы, где он переплатил. В дверях пытается что-то добавить, потом, видимо, понимает, что реплика не придумана, и просто хлопает дверью. Я слушаю, как лифт едет вниз, и замечаю, что у меня дрожат колени, но не руки, и это неплохо.

***

В час дня звонит незнакомый номер. Я беру трубку, ожи-

дая очередного сочувствующего из тех, что с утра пишут мне в мессенджеры, и слышу низкий спокойный голос, который я узнала бы и в метро:

– Станислава Андреевна, доброго дня. Это Ладыгин, из «Куреня». Я не знаю, удобно ли вам сегодня, воскресенье всё-таки, но у меня на руках счёт за вчерашнее, и откладывать его я бы не хотел, потому что чем дольше висит такая бумага, тем больше людей начинает считать, что её не было. Я могу подойти куда скажете.

– Гхм, – вырывается у меня, хотя это его междометие. – Давайте во дворе, в кофейне на углу. Я там бываю по воскресеньям.

В два я сижу за столиком под платаном, с чашкой американо, который никак не лезет в горло. Нестор Игнатьевич приходит ровно в четырнадцать, в светлой рубашке с закатанными рукавами, высокий и немного сутулый, как человек, который всю жизнь входит в низкие двери. Шрам на левой брови выглядит при дневном свете белее. Он кладёт на стол лист и пододвигает его ко мне тяжёлой рукой.

– Сто сорок три тысячи шестьсот, – произносит он без выражения. – Девяносто шесть бокалов из горки, ковролин в зале, две скатерти, один стул. Стул, к слову, вы не ломали, он сломался от падения Корнилия Аркадьевича, когда тот пытался отскочить, но по договору это на вас.

– Корнилий Аркадьевич упал? – переспрашиваю я и вдруг прыскаю в кулак. Сама пугаюсь этого звука. – Простите. Это

нервное.

– Ничего, – отвечает он серьёзно. – Я понимаю.

Я читаю счёт, строчку за строчкой. Всё посчитано честно, и от этого мне почему-то особенно досадно. Я привыкла, что на мне пытаются нажиться, а тут передо мной человек, который назвал цену ровно по стоимости, и в этой честности есть что-то оскорбительное.

– Нестор Игнатьевич, – говорю я, откладывая лист. – Вы же понимаете, что пригласил эту женщину мой муж. Я не отказываюсь платить, но разгром в вашем зале устроила не я одна, и мне кажется справедливым…

– Я понимаю, кто привёл эту женщину в мой зал, Станислава Андреевна, – перебивает он негромко, и усы у него едва заметно дёргаются. – Но скатерть сдёрнула не она, и бокалы считают по рукам, а не по виноватым. Договор на банкет подписан вами. Я не хочу выглядеть чёрствым, и если вы скажете, что вам сейчас тяжело, мы отложим на месяц, но по существу вы мне должны.

– Мне не тяжело, – огрызаюсь я. – Мне… обидно. Вы человек, у которого вчера под носом устроили цирк, а вы пришли с калькулятором.

– Цирк был ваш, – замечает он так просто, что я теряю слова. – Калькулятор тоже мой. Это нормально: у каждого своя профессия.

Я вынимаю телефон и перевожу сто сорок три тысячи шестьсот одним движением, со злостью, так, что палец чуть

не прорывает экран. Он смотрит, как приходит смс, и только когда экран гаснет, чуть расслабляет плечи, словно ждал, что я передумаю. Я это замечаю, потому что у меня профессия: смотреть, как люди ждут подвоха. Мне вдруг становится неловко за свою резкость, но извиняться я не собираюсь, и мы оба молча допиваем кофе, он свой, я свой, остывший.

Потом он берёт чек от кофейни, лежавший на столе под моей чашкой, переворачивает его и пишет на обороте карандашом, который берёт у официанта. Потом протягивает мне.

«Оплачено. Торт был лучший. Н. Л.»

– Это вам на память, – произносит он, поднимаясь. – Всего доброго, Станислава Андреевна.

Он уходит через двор, не оборачиваясь, ссутулив плечи, и я долго держу чек двумя пальцами, как повестку. Я не знаю, что сказать человеку, который только что взял с меня деньги и при этом оставил записку. Разбираться некогда, но чек я кладу не в мусорное ведро, а в карман жакета.

***

Вечером дом выглядит так, будто в нём никто не жил. Стефан забрал сумку, мои цветы перекочевали в мусоропровод, а синяя папка лежит на столе, как пациент, которого обследуют. Я перечитываю её в третий раз. Проект я знаю уже наизусть, и дело теперь не в тексте, а в двух словах, которые стоят в нём как заноза.

Я пытаюсь занять себя хоть чем-то и открываю холодильник. Там стоит остаток салата, купленного накануне юбилея,

ломтик сыра и банка оливок, потому что готовить в тот день я была не в состоянии. Я ем оливки прямо из банки, стоя, как студентка, и думаю о том, что за двадцать семь лет ни разу не видела, как Стефан выбирает продукты: он приносил домой то, что я просила, и никогда ничего сверх. Сегодня, видимо, он принёс сверх.

Я могла бы позвонить в нотариальную систему и за две минуты получить всё, что нужно, но тогда у моих коллег останется запись, кто и когда запрашивал данные по моей же квартире, а я не хочу, чтобы Згурский узнал об этом раньше меня. Поэтому я открываю Госуслуги, вхожу под своим логином, как рядовая собственница, и заказываю расширенную выписку из ЕГРН на свою квартиру. Срок готовности указан: сегодня, до вечера. Я ставлю чайник и стою над ним, пока он не вскипает дважды.

В девять звонит Виталия. Слышно, как она грызёт леденец, громко, с хрустом, и мне становится легче, потому что это единственный звук за сутки, который я понимаю.

– Стаська, ты жива? – спрашивает она низким голосом. – Я весь день названивала, ты не брала. Мне звонили четыре человека, спрашивали, как ты. Один сказал, что видел видео, и ты там просто «богиня». Не волнуйся, он мужчина.

– Вита, я жива, – отвечаю я и вдруг сажусь на пол в коридоре, прямо в халате. – Слушай, он приходил. Принёс соглашение. Квартира мне, контора мне, всё остальное ему. А там написано «со всеми обременениями».

Хруст замолкает.

– Погоди, Стась. О каких обременениях? У тебя же ничего нет, ты квартиру на бабушкины деньги брала, она чистая, как слеза.

– Вот и я так думала. Заказала выписку, жду. Если что, наберу.

– Набери, – говорит она и добавляет совсем другим голосом: – И Стась, не читай ничего в одиночку. Слышишь? Читай со мной.

Я обещаю. Потом сижу в коридоре ещё минут двадцать, пока телефон не пищит, и приходит письмо с вложением, и я открываю его пальцем, который отчего-то перестал слушаться.

В двадцать два сорок на экране лежит выписка. Я пролистываю первую страницу, где всё как положено: площадь, кадастровый номер, собственник Туманова Станислава Андреевна. На второй странице стоит раздел, которого там быть не должно. «Ипотека. Дата государственной регистрации: 14.07.2025. Залогодержатель: ООО „ДонФинРезерв“». Я перечитываю дату дважды, потому что четырнадцатое июля прошлого года я помню очень хорошо: у Арианы был ремонт в студии, Стефан возил её по магазинам, а я весь день проработала с клиентами.

Мне нужно понять, как это возможно, и мне даже не надо долго думать. Я встаю, иду в кабинет и открываю на ноутбуке открытый сайт реестра доверенностей, куда сама сто раз

отправляла клиентов, говоря: «Проверьте, не отозвана ли». Ввожу свои данные, фамилию, дату рождения. Поиск выдаёт одну запись. Доверенность от 3 июня 2025 года, удостоверена Мелетием Захаровичем, срок пять лет.

Я помню этот день. Я помню, как Стефан сказал: «Стась, давай генеральную, чтобы второй раз не ходить», и как я сидела в приёмной у Мелетия, листала журнал и думала, что надо заказать ужин. Я возвращаюсь к выписке, спускаюсь пальцем по экрану и нахожу строку, от которой становится тихо, как в зале суда после удара молотка.

«Залогодатель: Туманова Станислава Андреевна, в лице представителя по доверенности Туманова Стефана Олеговича». То есть я сама.

Глава 3. Я отменяю всё, что тебе подписала

В половине девятого утра я стою на лестничной площадке перед тёмной дверью с медной табличкой и понимаю, что пришла первой. Контора Мелетия Захаровича на Будённовском открывается в девять, но он живёт при ней, в двух комнатах за приёмной, и я знаю, что он встаёт в шесть. Я нажимаю на звонок, и дверь открывается почти сразу. Мелетий Захарович стоит в вязаной жилетке, в слуховом аппарате, с чашкой чая в руке, и смотрит на меня поверх очков.

– Станислава Андреевна, – говорит он тихо и без всякого удивления. – По вашему лицу вижу, что не завещание. Проходите, я как раз заварил. Присядьте, пожалуйста, пока я включу компьютер, он у меня с утра думает дольше, чем я.

Я сажусь в то самое кресло, где год назад листала журнал. Оно обито тем же зелёным плюшем, и на подлокотнике всё та же потёртость от чьего-то локтя. Мелетий долго возится с мышью, потом поворачивает ко мне экран, и я вижу в списке свою фамилию, свою дату и слова «генеральная доверенность». Он уже всё понял и не спрашивает, как я это нашла.

– Я хочу её отменить, – произношу я, и голос у меня звучит так, будто я зачитываю чужой документ. – Сегодня, сейчас. И внести отмену в реестр, чтобы к обеду её увидели все.

– Это можно, – отвечает он и берётся за клавиатуру двумя пальцами. – Только, Станислава Андреевна, вы мне хотя бы скажите, что случилось. Я вас лет двадцать знаю, вы не из тех, кто приходит в восемь тридцать.

Я рассказываю. Коротко, без подробностей, только про залог и про дату. Он слушает, не перебивая, потом откидывается на спинку стула, снимает очки и долго протирает их краем жилетки. Мне вдруг хочется, чтобы он сказал что-нибудь резкое, обвинил, назвал дурой, но он говорит совсем другое:

– Знаете, я ведь помню. Вы пришли вдвоём, вы подписали и вышли ждать в приёмную, а Стефан Олегович остался заплатить пошлину и шутил там с девочкой, секретаршей. Говорил: «Я вот жене доверяю, а она мне, значит, тоже, мы с ней как нотариус и клиент, только без печати». Мы все посмеялись. Знаете, он очень убедительный человек.

– Я знаю, – говорю я, и в горле встаёт то, что нельзя назвать комом, потому что ком бывает от слёз, а это просто стыд. – Я сама, Мелетий Захарович, каждый день объясняю клиентам, что такое генеральная доверенность. Я им говорю: никогда, ни при каких обстоятельствах, даже мужу, даже сыну. А тут сама. Сижу в приёмной и думаю про ужин.

– Бывает, – он надевает очки обратно, и я вижу, что глаза у него мокрые. – Знаете, лучшие из нас попадаются как раз на самом простом. Подпишите вот здесь. И вот здесь. Ручка у вас своя?

Я достаю из сумки отцовскую перьевую, ту, что он пода-

рил мне перед экзаменом, и подписываю. Выходит неровно, потому что рука всё-таки дрожит. Мелетий ставит печать, вносит отмену в реестр, распечатывает три уведомления, и я сама убираю их в папку. Он провожает меня до двери, и я вдруг замечаю, как сильно он постарел за этот год: плечи под жилеткой стали уже, а на столе рядом с компьютером стоит коробочка с таблетками, разложенными по дням недели. Он ловит мой взгляд и виновато разводит руками.

– Ох, не обращайте внимания, это жена настояла. Знаете, Станислава Андреевна, я вам скажу одну вещь, как старый нотариус молодому. Не казните себя. Вы мне подписали доверенность, потому что Стефан Олегович был вашим мужем, а не потому, что вы глупы. Глупость не в доверии, а в том, что мы потом думаем, будто доверие надо было проверять. Нет. Проверять надо тех, кто просит.

– Красиво сказано, – отвечаю я и пытаюсь улыбнуться. – Только мне от этого не легче, Мелетий Захарович. А-а, ладно. Спасибо вам. Правда.

Когда я выхожу на улицу, на часах девять двадцать, и мне кажется, что я прожила уже целый день.

***

В конторе на Большой Садовой пахнет кофе и слышен трамвай, который гремит на повороте. Вилора Марковна встречает меня в дверях, маленькая, с пучком, в который воткнут карандаш, и держит в руке телефон так, будто это бомба.

– Ой, Станислава Андреевна, – начинает она, и я вижу, что она не знает, с чего начать. – Батюшки, вы только не волнуйтесь. Тут такое дело. Видео. Ну то самое, с тортом. Его гости выложили, и оно уже, ой, оно набрало триста тысяч просмотров.

Я беру у неё телефон и смотрю. Заголовок: «Нотариус метнула торт в мужа на юбилее». Ниже мой профиль, снятый снизу, торт, летящий в рубашку Стефана, и мой собственный голос, который кричит «Это ты при людях!», отчего-то тонкий и жалкий. Комментарии я не читаю. В какой-то момент Вилора мягко забирает у меня телефон.

– Вилора Марковна, если кто-то позвонит из прессы, – говорю я, – мы не комментируем. Скажите, что нотариус не даёт комментариев по частным вопросам.

– Это я уже говорила шесть раз, – кивает она и хмурится. – А вот Иннокентий Саввич… он звонил. Он сказал, что сделку по дому в Нахичевани отменяет. Сказал, что в таком настроении вы можете и бумаги перепутать.

Я закрываю глаза на секунду. Ну вот, думаю я, началось: сначала муж, потом клиенты. Иннокентий Саввич Гамаюн, семьдесят четыре года, трость с костяной ручкой, продаёт дом, который строил своими руками. Мы вели его сделку месяц. Я набираю его номер сама, и он берёт трубку на пятом гудке, откашливается, и я слышу, как постукивает его трость по паркету.

– Станислава Андреевна, голубушка, вы не обижайтесь, –

говорит он неловко. – Мне внучка видео показала. Я человек старой школы, я не говорю, что вы неправы, мужчины тоже бывают скотами. Но у меня сделка на двенадцать миллионов, мне нужен нотариус спокойный.

– Иннокентий Саввич, – отвечаю я, и мне удаётся говорить почти весело, – я вам обещаю, что в день сделки в моей конторе из мучного будет только печенье. Подумайте, пожалуйста, до пятницы, а я пока никому не дам вашего дела.

Он вздыхает и обещает подумать. Я кладу трубку и обнаруживаю, что Вилора молча ставит передо мной чашку, ту самую, с совой на боку. Это её способ утешения: никаких слов, только горячее. Потом она всё-таки не выдерживает, присаживается на краешек стула для клиентов и сжимает мои пальцы своей сухой маленькой рукой.

– Станислава Андреевна, я вам скажу, как есть, – шепчет она. – Ой, я за вас так переживала всю ночь, что даже мужу сказала: пусть-ка лучше он сам себе гладит рубашки, раз такие дела. Вы не думайте, что мы тут все смеёмся. Две клиентки уже звонили и сказали, что «за такую женщину надо держаться». Одна даже торт обещала прислать, правда, в коробке.

– Вилора Марковна, торт присылать не надо, – прошу я, и мы обе наконец фыркаем, и от этого фырканья мне становится легче дышать. – А вот акты по Нахичевани мне сегодня понадобятся, и по доверенности для Иннокентия Саввича тоже. Сделайте, пожалуйста, копии.

– Уже на столе, – гордо сообщает она. – Я их ещё в шесть утра приготовила.

Я пью чай и смотрю на фотографию отца над столом, где он стоит в белой рубашке, строгий, и вспоминаю, что он говорил: «Подпись, Стасенька, это обещание. Свои обещания человек держит сам».

***

В два часа мы сидим с Виталией в кафе напротив конторы. Она заказала себе борщ и теперь размешивает сметану, а я только пододвигаю к ней выписку и копирую на листок цифры. Виталия читает, жуёт леденец, который перенесла от борща в щёку, и от этого её лицо становится очень сосредоточенным.

– Так, – говорит она наконец. – Залогодатель в лице представителя. Договор ипотеки, значит, подписывал за тебя он. А заёмщик кто?

– В выписке не написано. Но в договоре, скорее всего, «Лагуна», потому что больше ему занимать не на кого. – Я постукиваю ручкой по ладони. – Вита, он подписывал и за них, и за меня одновременно. Это же…

– Это сделка, где один человек сидит сразу с двух сторон стола, – кивает она. – Статья сто восемьдесят два, пункт три, Стаська. Представитель не может совершать сделку от имени представляемого в отношении себя лично или другого лица, которого он одновременно представляет. Оспоримая, не ничтожная, но оспоримая. Только это я говорю по выписке, а

договор я не видела. Пока я его не прочитаю, я тебе даже кофе не пообещаю.

– А если «ДонФинРезерв» знал? – спрашиваю я. – Должен был знать, что такая сделка бьёт по моим интересам?

– Тогда ещё пункт два статьи сто семьдесят четыре. Явный ущерб, и контрагент знал. – Она выуживает леденец, кладёт на салфетку и вытирает пальцы. – Не торопись, ладно? Мы запросим копии договора через Росреестр, они придут к двадцать второму. Отправим уведомления об отмене доверенности Стефану и этому «ДонФинРезерву», чтобы они не говорили, что не знали. И самое важное: ничего не плати. Ни рубля. Если им придёт хоть копейка в счёт процентов, они скажут, что ты одобрила сделку, и тогда мы пропали. Статья сто восемьдесят три.

– Я нотариус, Вита, я это знаю. Ох, да я эту статью в прошлом месяце разъясняла бабушке с гаражом!

– Ты нотариус, который два дня назад метнул торт в мужа на собственном юбилее, – замечает она, и я смеюсь, потому что она права. – Я не со зла. Просто когда у человека горит дом, он забывает, как звонить в пожарную.

Я собираюсь ответить, но мне на телефон приходит сообщение от Арианы, потом другое, потом звонок, и я вижу на экране её фотографию с кольцом в брови.

– Мам, привет, – голос у неё быстрый, злой, чужой. – Слушай, мне тут клиенты пишут про видео. Двое уже отказались, сказали, что не хотят «связываться с семьёй, где ки-

даются тортами». Ты вообще понимаешь, что ты меня позоришь? У меня портфолио, мам, у меня репутация.

– Ариша, подожди, – прошу я, отходя к окну, и слышу, как у Виталии за спиной перестаёт хрустеть леденец. – Давай ты приедешь сегодня, и мы спокойно поговорим. Я тебе всё объясню, там всё сложнее, чем кажется.

– Опять «всё сложнее», – она фыркает, и у меня внутри что-то обрывается. – Мам, я не хочу сложнее. Я хочу, чтобы всё было как раньше. Ну ма-ам. Папа хотя бы не позорит меня по телевизору.

– Папа привёл на мой день рождения любовницу, – произношу я слишком громко. Люди за соседним столиком оборачиваются. – Ариша, я не хочу ссориться. Давай вечером.

Она отключается. Я стою у окна, и в стекле отражается моё лицо с очками на цепочке, и я думаю о том, что в сорок девять лет я была женщиной, у которой есть дочь. А в пятьдесят у меня остаётся тот же пустой экран телефона.

– Иди сюда, – говорит Виталия и хлопает ладонью по стулу. – Ешь суп. Вот прямо сейчас бери ложку.

Я возвращаюсь к столу и ем, потому что спорить с ней в такие минуты бесполезно. Борщ густой, с чесноком, и первые ложки я глотаю механически, а потом вдруг понимаю, что ужасно голодна. Виталия молча придвигает мне хлеб и свою тарелку со сметаной, и мы доедаем всё в тишине, нарушаемой только хрустом сухарей из хлебницы.

– Ты знаешь, что самое мерзкое? – говорю я наконец и

вытираю рот салфеткой. – Что Ариша права наполовину. Я правда её опозорила. Я это понимаю умом. Но, Вита, если бы я сдержалась, если бы просто улыбнулась и вышла, то сейчас у меня не было бы ни выписки, ни доверенности, и я продолжала бы жить в квартире, которую у меня уже забрали. Эта сцена, как ни дико звучит, меня спасла.

– Эта сцена тебя вытащила из болота, в которое тебя тихо заводили, – соглашается Виталия. – А Ариша повзрослеет и поймёт. Она у тебя умная. Просто пока она любит папу-праздник, а не папу, который сидит в должниках. Дай ей время.

– У меня нет времени.

– У тебя столько времени, сколько надо, – твёрдо отвечает она и грызёт леденец. – Год на оспаривание, Стаська. Мы всё успеем.

***

В шесть вечера я возвращаюсь в контору, потому что обещала Вилоре посмотреть три акта до конца дня. Работать почти не получается: буквы стоят передо мной ровными колонками и не складываются в смысл. Вилора что-то объясняет по телефону клиенту, стараясь говорить как можно тише, и я как раз собираюсь выйти в приёмную, когда дверь распахивается так, что с вешалки падает чей-то зонт.

Стефан не снимает пиджак. Лицо у него красное, на лбу блестит пот, и я понимаю, что он бежал. В руке он держит телефон, и я успеваю прочитать уведомление на экране: «Но-

тариальная палата, реестр доверенностей». Я отправила ему извещение в одиннадцать, и он, похоже, получил его только что.

– Ты что устроила?! – орёт он на всю контору, и клиентка у входа в испуге прячет сумку. – Ты зачем это сделала, ты отменила доверенность, как ты могла, не сказав мне!

– Стефан, перейдём в кабинет, – говорю я тихо и встаю. – Вилора Марковна, пожалуйста, закройте дверь приёмной.

– Нет, при всех! – Он делает шаг, и стекло на шкафу отзывается тонким звоном. – Ты хоть понимаешь, что это значит? Ты мне ни слова не сказала, я мог бы объяснить, всё было бы нормально!

– Объяснить что? – спрашиваю я. – Что на моей квартире висит ипотека, оформленная по доверенности, которую ты у меня попросил «на автомойки»? Давай объяснишь. У меня есть время.

Он замирает, и в приёмной становится так тихо, что слышно, как в углу тикают часы. Я вижу, как он быстро соображает, как лицо сначала бледнеет, потом наливается злостью, и в этот момент мне становится даже жалко его, потому что он так и не научился врать красиво. Вилора Марковна за его спиной медленно опускает трубку.

– Да, – выдыхает он. – Да, заём. Ну да! Я взял деньги, под залог, для дела. Временно, Стась, это временно, я всё верну, мне просто нужно было выкрутиться на полгода, пока пройдёт сезон. Никто бы ничего не заметил, ты бы вообще

ни о чём не узнала!

– Сколько? – спрашиваю я.

– Что сколько?

– Сумма займа, Стефан. Сколько ты занял под мою квартиру?

– Не твоё дело! – Он взмахивает рукой, и перстень на мизинце хищно сверкает. – Это мои дела, мой бизнес, я сам отвечаю. Я просто хотел, чтобы у нас всё было хорошо, чтобы ты не нервничала, чтобы Ариша ни в чём не нуждалась…

– Не нуждалась? – Теперь мой голос тоже поднимается, и я не пытаюсь его удержать. – Ты поставил под удар единственную вещь, которая у меня была до тебя, Стефан! Ты взял мою подпись и использовал её, как отмычку! Ну что ты, право слово, как мальчишка!

– Ты пожалеешь, что ты нотариус, Стася, – говорит он хрипло, и это уже не крик, а что-то хуже: ровная, тихая злость. – Я тебя предупреждаю, госпожа нотариус. Ты думаешь, ты такая умная? Посмотрим, как ты запоёшь, когда я подам на раздел всего, включая твою контору.

Я смотрю на него долго. Потом подхожу к столу, беру копию уведомления и аккуратно вкладываю ему в руку, прямо поверх телефона, сгибая его пальцы, как у ребёнка.

– Я отменяю всё, что тебе подписала, Стефан, всё до последней запятой, – говорю я, и запятые, кажется, звучат в моём голосе отдельно. – И запятые я теперь буду считать сама. А теперь, пожалуйста, выйди из моей конторы.

Он ещё секунду стоит, тяжело дыша, потом разворачивается и вылетает в приёмную мимо перепуганной клиентки. Хлопает дверью так, что у Вилоры Марковны с пучка падает карандаш, и только тогда я понимаю, что он не спросил ни про торт, ни про кольцо.

Глава 4. Седьмой стол по четвергам

Администратор «Куреня» звонит мне в четверг в половине третьего, когда я сижу над тремя договорами купли-продажи и в сотый раз перечитываю один и тот же абзац. Голос у неё приятный, осторожный, она называет меня по имени-отчеству и сообщает, что при уборке «Атаманского» нашлись два предмета, которые, судя по всему, принадлежат мне, и что Нестор Игнатьевич просил передать: он будет в ресторане до восьми, если мне удобно зайти.

Я кладу трубку и сижу ещё минуту с закрытыми глазами. Копии договора ипотеки лежат в верхнем ящике стола с вечера среды, их привезли из Росреестра курьером, и я прочла их дважды: от корки до корки, как читаю всё, что мне важно. Заём восемнадцать миллионов рублей, заёмщик ООО «Лагуна», займодавец ООО «ДонФинРезерв», подпись директора Бурлаченко Н. И. Моя квартира указана в разделе «Обеспечение» одним абзацем между пунктом про штрафы и пунктом про досрочное взыскание, и на последней странице стоит фамилия Стефана, дважды. Один раз как директора, второй раз как моего представителя. Стефан молчит три дня, и мне уже почти хочется, чтобы он позвонил и начал кричать. Я работаю, принимаю клиентов, заверяю согласия

на выезд детей за границу, и в перерывах ловлю себя на том, что хожу по конторе с телефоном в руке, как человек, ожидающий результата анализов. Вилора Марковна в среду молча поставила мне на стол тарелку с домашними пирожками, и я съела три, не заметив, с чем они были.

– Ну, – сказала я себе вечером в лифте, – хоть что-то мы в жизни проверили до конца.

В шесть я надеваю лёгкий жакет, беру сумку и сажусь в свою белую «Вольво». На набережной тёплый вечер, пахнет рекой и жареной рыбой, на скамейках сидят парочки, и я проезжаю мимо речного вокзала, не поворачивая головы. Парковаться приходится у самого входа, и когда я вхожу в двери «Куреня», в общем зале внизу внезапно смолкает разговор, как в аптеке, куда зашёл человек в маске.

Я не сразу понимаю, в чём дело. Потом вижу, что у трёх столиков люди сидят вполоборота, а молодой официант, подходящий ко мне со своим планшетом, быстро опускает глаза и прячет улыбку в воротник. Меня узнали. Триста тысяч просмотров, очевидно, уже превратились в пятьсот.

– Добрый вечер, Станислава Андреевна, – говорит он, не поднимая головы. – Нестор Игнатьевич ждёт вас в кабинете. Позвольте, я провожу.

– Благодарю, дорогу я помню, – отвечаю я как можно суше и иду через зал так, будто несу перед собой поднос с хрусталём.

За спиной я слышу шёпот, короткий смешок и чей-то при-

глушённый голос: «Это та самая, с тортом». Мне хочется обернуться и сообщить всем, что торт был «Наполеон», что коржей в нём было тридцать шесть и что бросок получился точный. Вместо этого я поправляю на плече ремень сумки и иду дальше, с прямой спиной, как ходила по коридорам университета в девяносто третьем, когда на меня смотрели как на выскочку с юрфака. Ох, нашла что вспомнить.

***

Кабинет Нестора оказывается маленькой комнатой за кухней, заваленной папками и накладными, с огромным столом, окном на двор и фотографией женщины в рамке на подоконнике. Я успеваю заметить русые волосы и светлую улыбку, потом отворачиваюсь, чтобы не смотреть на чужое. Нестор поднимается из-за стола, высокий, сутулый, с чашкой в руке, ставит её на бумаги и коротко кивает.

– Станислава Андреевна. Проходите. Садитесь, если хотите, а если нет, то я тоже постою, мне всё равно.

– Я постою, – отвечаю я и тут же сажусь, потому что ноги отчего-то ватные.

Он выдвигает ящик, достаёт плотный бумажный конверт из тех, что выдают в банках, и кладёт на стол между нами. Потом рядом кладёт маленькую коробочку, обтянутую синим бархатом, которую я узнаю ещё до того, как он её откроет. Гранаты в серебре, рябиновая ветка, согнутая булавка.

– Нашла уборщица, – говорит он. – Брошь лежала под ковролином у стены, вместе с битым стеклом, она полы натира-

ла. Кольцо мы достали из того бокала, который остался цел. Ипат вынул его пинцетом, чтобы не оцарапать, и вымыл тёплой водой. Булавку я попросил слегка выправить, но ювелиром не назовусь, так что если она всё равно съезжает, это не к нам.

Я открываю конверт. Золотое кольцо лежит на дне, чистое, блестящее, чужое, как будто никогда не было на моём пальце. Я закрываю конверт и убираю его в сумку, потом беру брошь и несколько секунд держу её на ладони, так, словно она может исчезнуть второй раз. Мама носила её до самой смерти. Я ни разу в жизни не просила и не умела просить за такую мелочь.

– Благодарю, – говорю я сухо, потому что иначе заплачу. – Передайте, пожалуйста, вашей уборщице и Ипату Несторовичу. Я вам, видимо, что-то должна.

– Нет, – отвечает он и сразу, чуть смутившись, добавляет: – То есть, простите, ничего вы мне не должны, это ваше. Мы просто вернули то, что нашли.

Он так же сух, как я, и от этого нам обоим как будто становится легче. Я прикалываю брошь к жакету, на левую сторону, где ей и полагается быть. Булавка действительно держится крепче. Я замечаю это и ничего не говорю, а он замечает, что я заметила, и ничего не спрашивает.

***

Мне надо было уйти. У меня на этот вечер был один вопрос, а точнее, два, и я их придумала ещё в машине, но те-

перь они кажутся такими несуразными, что хочется оставить их при себе. И всё-таки я слышу собственный голос:

– Нестор Игнатьевич, позвольте спросить. Когда я бронировала зал в марте, мне сказали, что на шестнадцатое мая у вас остаётся одна свободная суббота, и мы выбрали её. Но в мае суббота в «Атаманском» обычно разобрана за полгода. Почему он был свободен?

Он молчит. Берёт со стола чашку, отпивает, потом ставит на место, и я вижу, как у него на скуле перекатывается желвак. Это не то молчание, в котором собираются с мыслями, это то, в котором взвешивают, говорить или нет.

– Бронь на шестнадцатое мая была сделана заранее, Станислава Андреевна, – произносит он наконец. – Не вами. В феврале. Через вашего мужа. Он позвонил и сказал, что хочет сделать вам сюрприз, и просил придержать зал до вашего звонка. А когда вы позвонили в марте, мой администратор сказала вам, что дата свободна, потому что так он распорядился.

– То есть он заранее знал, что в этот день там будет…

– Я не знаю, что он планировал, – поправляет Нестор и, помолчав, продолжает уже другим тоном, ровным и тяжёлым, как у человека, который переступает через своё правило. – Но раз вы спросили прямо, я отвечу прямо. Ваш муж около года ужинает у меня каждый четверг. Столик номер семь, у окна, в нижнем зале, и всегда с одной и той же молодой женщиной. Той самой, что пришла к вам с розами.

Я не замечаю, что встаю. Просто я уже стою, и пальцы лежат на спинке стула.

– Год, – повторяю я. – Вы год знали и молчали?

– Я знал с апреля прошлого года, – отвечает он, не отводя взгляда. – Не скажу, что я этим горжусь, но и каяться тут не в чем. Я хозяин ресторана, а не участковый. Я кормлю людей, Станислава Андреевна, и что они едят и с кем, это их дело ровно до той минуты, пока меня не спросят прямо, а вы спросили прямо. Если бы я прибежал к вам в июне и сказал: «Ваш муж ужинает с женщиной», вы бы, простите, первым делом выставили за дверь меня, а не его. Так бывает почти всегда.

– Это не оправдание! – Я не кричу, но голос всё равно взлетает, и я слышу, что за стеной на кухне стихает посуда. – Вы видели, как я сидела на собственном юбилее, вы видели, как я расплачивалась за бокалы, вы стояли в дверях, а у вас в голове всё это время было: «Бедная дура, не знает». Ох, Нестор Игнатьевич. Нет. Ну зачем я вообще сюда пришла.

– Вы пришли за брошью, – замечает он негромко и без обиды. – Я не считаю вас дурой. Я считаю, что человек имеет право узнать, когда он готов спрашивать, и ни минутой раньше. Я много лет так живу. Может быть, неправильно. Но я не умею иначе.

Я стою, дышу и чувствую, что злость уходит, оставляя вместо себя пустоту, в которую хочется налить чего-нибудь горячего. Он, кажется, это чувствует и без слов толкает ко

мне по столу чашку, свою собственную, ещё тёплую. Я беру её двумя руками и пью, не разбирая вкуса. Это тот же кофе, который стоял на столе у него, и я не нахожу в себе сил возмутиться.

***

– Вы сказали: «с одной и той же молодой женщиной», – произношу я, когда чашка наполовину пуста. – Всегда с одной и той же. Значит, не только с ней?

– Не всегда. – Он садится наконец, кладёт тяжёлые ладони на стол. – С июня прошлого года к ним несколько раз подсаживался третий. Тоже по четвергам, в разное время, но неизменно за тем же столом. Мужчина лет шестидесяти, грузный, тихий. С чётками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.